

Юй Чаошэн был едва знаком с Тан Шэнем, поэтому пробыл недолго и вскоре вернулся в город. Ван Чжэнь — старший соученик Тан Шэня, и его желание остаться и ухаживать за младшим соучеником выглядело вполне естественным и само собой разумеющимся. Ли Цзиндэ поспешил заняться военными делами, и вскоре в шатре остались лишь Ван Чжэнь да лекарь. Лекарь тихонько помахивал веером из рогоза, вываривая снадобье.

Ван Чжэнь сказал:

— Ступай, я сам прослежу за отваром.

Лекарь обомлел:

— Господин, но как же...

— Есть ли какие-то особые указания?

Этот лекарь не знал Ван Чжэня, но успел заметить, с каким робким почтением Ли Цзиндэ обращался к нему. Коль скоро этот господин отдал приказ, лекарь не посмел возражать. К тому же варка снадобья — дело нехитрое, а больной все равно еще долго не очнется и, кто знает, сумеет ли вообще выпить лекарство. Лекарь ответил:

— Надобно томить на медленном огне около двух часов.

Поклонившись, лекарь уже собрался покинуть шатер, как вдруг Ван Чжэнь окликнул его:

— Шрам на руке... его действительно никак не свести?

Не ведая, насколько глубоко этот господин посвящен в подробности, лекарь не решился вдаваться в детали и ответил сбивчиво:

— Если бы не пошла гнилостная лихорадка, способ найти бы удалось. Но сейчас она довольно сильна, так что даже самые драгоценные снадобья вряд ли полностью сотрут след.

— Что ж, тем лучше. Пусть останется — буду смотреть на него каждый день как на напоминание, о котором не забуду до конца дней.

Лекарь не понял, о чем речь, и лишь удивленно переспросил:

— Господин?

— Ничего. Ступай.

— Слушаюсь, — лекарь откланялся и вышел.

В тишине шатра раздавалось лишь тихое бульканье закипающего в жаровне снадобья. Ван Чжэнь сначала бросил взгляд на лекарство, убедился, что все в порядке, и подошел к кровати. На мгновение его взор задержался на бледном лице Тан Шэня, а затем скользнул к ране у него на руке.

Тонкая, изящная ладонь коснулась щеки Тан Шэня.

Руки у Ван Чжэня были невероятно красивы: тонкие длинные пальцы, изящные суставы — играл ли он на цине, писал ли кистью, каждое движение казалось сошедшим с живописного свитка. Кожа его рук была бледной, но по сравнению с мертвенной белизною лица Тан Шэня

тот казался совсем бескровным. Даже губы Тан Шэня побелели, а лоб все еще горел, хотя сама ранка была небольшой, и повреждения оказались не столь опасными.

Ладонь Ван Чжэня замерла на щеке юноши, а затем, словно преодолев внутреннее колебание, медленно опустилась ниже, к пересохшим губам.

Слишком сухие.

Из-за жара и давнего отсутствия воды.

Ван Чжэнь налил воды в пиалу и, обмакивая пальцы, стал осторожно смачивать губы Тан Шэня. Потрескавшиеся губы от влаги мгновенно оживали, приобретая цвет, но стоит воде испариться, как они снова блекли. Тогда Ван Чжэнь терпеливо повторял движение раз за разом.

Лишь после долгих и упорных стараний губы Тан Шэня наконец увлажнились и чуть порозовели.

Ван Чжэнь поставил пиалу, сел у постели и устремил взор на Тан Шэня. Он молчал, просто тихо смотрел на него. Боги знают, сколько прошло времени, прежде чем в шатре раздался долгий, тяжелый вдох.

— Я давал тебе возможность уйти. Но, младший соученик, ты сам не сумел позаботиться о себе.

— Больше такого шанса не будет.

К ночи Тан Шэню и впрямь стало лучше: жар спал, хотя в себя он пока не пришел.

Выйдя из шатра, Ван Чжэнь велел разыскать воина, доставившего Тан Шэня в город Ючжоу. Тот поначалу притворялся глухонемым, упорно уверяя, будто господин Тан пострадал утренняя охота за городом вместе с Ли Цзиндэ. Однако Ван Чжэнь без лишних прелюдий спросил:

— Какова обстановка в управе Сицзинь?

Воин обомлел.

— Говори.

— ...Слушаюсь.

Солдат покорно выложил все, что знал, хотя из-за низкого чина многие подробности от него ускользнули.

Вслушиваясь в доклад, Ван Чжэнь прищурился:

— Елюй Шэгэ и Елюй Цинь отправлялись в управу Сицзинь?

— Именно так. Лишь потому, что на Елюй Циня внезапно напали убийцы, управу Сицзинь заперли, и господин Тан не смог вовремя вернуться.

— Убийцы напали на Елюй Циня... — смакуя эти слова, Ван Чжэнь чуть изогнул губы в загадочной улыбке. Вернувшись в шатер, он взял бумагу и кисть Ли Цзиндэ, набросал письмо и

вручил его воину: — Отправляйся обратно в управу Сицзинь. Ты должен прибыть туда в течение двух дней. Передай послание Цяо Цзю, он поймет, что нужно делать.

Услышав имя Цяо Цзю, воин проникся к Ван Чжэню еще большим доверием:

— Слушаюсь!

Уладив дела с управой Сицзинь, Ван Чжэнь переступил порог шатра и, подняв глаза, неожиданно встретился взглядом с Тан Шэнем.

Тан Шэнь, опираясь на руки, как раз пытался подняться с кровати. Увидев Ван Чжэня, он оцепенел и сиплым от шока голосом выдохнул:

— Старший соученик?..

Ван Чжэнь, отличавшийся незаурядным умом, мигом все понял, подошел ближе и налил воды:

— Пить хочешь?

— Да.

Перехватив чашу, Тан Шэнь жадно осушил две пиалы подряд и лишь тогда пришел в себя. Он уже собирался спросить, как Ван Чжэнь здесь оказался, но, подняв взор, увидел, что тот смотрит на него сверху вниз потемневшими, полными гнева глазами. Тан Шэнь мысленно ойкнул: где же он умудрился провиниться перед Ван Цзыфэном, что у того такой вид, словно он вот-вот сорвется?

— Старший соученик... гневается?

— Да.

— На что же?

— Почему ты ранен?

Ван Чжэнь уже выслушал рассказ солдата о случившемся, но все равно задал этот вопрос. Тан Шэнь и сам чувствовал досаду: разве мог он предвидеть, что на Елюй Циня совершат покушение, что Чжао Фу внезапно отправит людей в город Ючжоу, а сам он застрянет в управе Сицзинь!

Захлебываясь от обиды, Тан Шэнь пересказал все как было.

Ван Чжэнь налил ему еще чашу воды и спросил:

— Разболтался... замучила жажда?

Тан Шэнь: «...» *Но ты же сам спросил!*

Ван Чжэнь:

— Ты... больше не заставляй меня так тревожиться.

Тан Шэнь, сжимавший пиалу обеими руками и прихлебывавший воду маленькими глотками, от этих слов невольно вскинул голову. Их взгляды встретились. Тан Шэнь сидел на кровати и

смотрел прямо в глубину глаз Ван Чжэня. В них мешались тревога и нежная ласка. Прежде ему никогда не приходилось видеть, чтобы старший соученик выражал чувства так открыто; казалось, Ван Чжэнь всегда оставался невероятно чистым, отстраненным, словно легкий ветерок над чистой луной, и ничто в мире не способно тронуть его душу.

Но в этот миг Ван Цзыфэн будто ожил.

Стал более настоящим... и от него просто невозможно было отвести взор.

Тан Шэнь почувствовал, как в груди что-то мощно толкнулось. Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но так и не нашелся со словами.

Поспешно отведя взгляд, Тан Шэнь пробормотал:

— Я ведь тоже не хотел ранений... но что поделать, разве найдется в мире хоть кто-то, кто мечтает о боли...

— Больше у тебя не будет такого шанса.

Тан Шэнь не ослышал:

— А?

Ван Чжэнь лишь улыбнулся:

— Ничего.

Тан Шэнь с недоумением поглядел на Ван Чжэня и через пару мгновений произнес:

— Мне кажется, сегодня старший соученик немного не такой, как обычно.

— О? И в чем же разница?

— Раньше старший соученик напоминал небожителя. Я вечно пытался угадать, о чем ты думаешь, и почти никогда не отгадывал. Сегодня я тоже не могу прочесть твоих мыслей, но чувствую... словно ты принял какое-то решение. И ты абсолютно непреклонен.

Ван Чжэнь лишь поддразнивал Тан Шэня, но услышав эти слова, надолго замер.

— Ты полагаешь... я принял решение?

— Разве нет?

Выражение лица Ван Чжэня стало странным. Сделав пару шагов по шатру, он вдруг обернулся и с легкой улыбкой произнес:

— Да, ты прав. Я действительно принял решение. Чрезвычайно важное решение.

Тан Шэнь с любопытством спросил:

— Какое же?

Ван Чжэнь:

— Некоторое время назад я получил от учителя картину. Она была столь прекрасна, что

захватывало дух, и полюбились мне без памяти. Однако вовсе не факт, что той картине нравлюсь я, да и путь у нас не один. Я долго колебался, каждую ночь размышляя: стоит ли забрать этот свиток себе, стоит ли вопреки его воле предопределить всю его дальнейшую судьбу.

Тан Шэнь тихонько усмехнулся, подловив его:

— Картина ведь не человек, откуда у нее чувства? Если старший соученик решил иносказательно выразиться, лучше бы выбрать иной пример.

Ван Чжэнь:

— Нашел способ надо мной подшутить?

Тан Шэнь наконец понял:

— Так старший соученик нарочно дал мне возможность покепковать над собой! И что же ты решил сделать с той картиной? Заберешь в свою коллекцию?

— Он уже мой.

Тан Шэнь не сразу сообразил:

— Что?

Ван Чжэнь устремил на него пристальный взгляд и неспешно улыбнулся:

— Я говорю, он уже принадлежит мне.

Тан Шэнь: «?»

О чем, в конце концов, толкует Ван Цзыфэн?!

И сегодня Ван Цзыфэн, как водится, изъяснялся загадками! Когда Тан Шэнь попытался расспросить его подробнее, тот лишь отмахнулся словами: «Время еще не пришло, тьма рассеется не сразу». Тан Шэню оставалось лишь молча мысленно ворчать на него, ведь отречься от такого старшего соученика он все равно не мог.

<http://bllate.org/book/18292/1757388>